

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
М48

Оформление *Натальи Ярусовой*

Мельников, Павел Иванович.

М48 На горах. Том I / Павел Мельников. — Москва : Эксмо, 2019. — 640 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-104597-5

Заповедные края нижегородского Нагорья, протянувшиеся по берегам Волги. Здесь живут легендарные своими причудами купцы-миллионщики, свято сберегающие древнюю веру раскольники, неистово скачущие на тайных радениях сектанты-хлысты. Здесь расцветает любовь Дуняши Смолокуровой и купца Петра Самоквасова, да только через многие испытания суждено им пройти, прежде чем обретут они счастье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-104597-5

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От устья Оки до Саратова и дальше вниз правая сторона Волги «Горами» зовется. Начинаются горы еще над Окой, выше Мурома, тянутся до Нижнего, а потом вниз по Волге. И чем дальше, тем выше они. Редко горы перемежаются — там только, где с правого бока река в Волгу пала. А таких рек немного.

Места на «Горах» ни дать ни взять окаменелые волны бурного моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядами и кряжами тянутся во все стороны меж долов, логов, оврагов и суходолов; реки и речки колесят во все стороны, пробираясь меж угорий и на каждом изгибе встречая возвышенности. По иным местам нашей Руси редко такие реки найдутся, как Пьяна¹, Свяга да Кудьма. Еще первыми русскими насельниками Пьяной река за то прозвана, что шатается, мотается она во все стороны, ровно хмельная баба, и, пройдя верст пятьсот закрутасами да изворотами, подбегает к своему истоку и чуть не возле него в Суру выливается. Свяга — та еще лучше куролесит: подошла к Симбирску, версты полторы до Волги остается, — нет, повернула-таки в сторону и пошла с Волгой рядом: Волга на полдень, она на полночь, и верст триста реки друг дружке навстречу текут, а слиться не могут. Кудьма, та совсем к Оке подошла, только

---

¹ Пьяна упоминается в летописях. Русские поселились на ней в половине XIV века, и тогда еще по поводу поражения нижегородской рати ордынским царевичем Арапшой сложилась пословица: «За Пьяной люди пьяны». (Примечания, данные под строкой, принадлежат автору. — *Ред.*)

бы влиться в нее, так нет, вильнула в сторону да верст за сотню оттуда в Волгу ушла. Не захотелось сестрицей ей быть, а дочерью Волгиной. Так говорят... И другие реки и речки на Горах все до единой извилисты.

Издревле та сторона была крыта лесами дремучими, сидели в них мордва, черемиса, болгары, буртасы и другие языки чужеродные; лет за пятьсот и поболее того русские люди стали селиться в той стороне. Константин Васильевич, великий князь Суздальский, в половине XIV века перенес свой стол из Суздаля в Нижний Новгород, назвал из чужих княжений русских людей и расселил их по Волге, по Оке и по Кудьме. Так летопись говорит, а народные преданья вот что сказывают:

«На горах то было, на горах на Дятловых¹: мордва своему Богу молится, к земле-матушке на восток поклоняется... Едет белый царь по Волге реке, плывет государь по Вóложке на камешке. Как возговорит белый царь людям своим: «Ой вы гой еси, мои слуги верные, слуги верные, неизменные, вы подите-ка, поглядите-ка на те ли на горы на Дятловы, что там за березник мотается, мотается-шатается, к земле-матушке преклоняется?»... Слуги пошли, поглядели, назад воротились, белому царю поклонились, великому государю таку речь держат: «Не березник то мотается-шатается, мордва в белых балахонах Богу своему молится, к земле-матушке на восток преклоняется». Вопросил своих слуг белый русский царь: «А зачем мордва кругом стоит и с чем она Богу своему молится?» Ответ держат слуги верные: «Стоят у них в кругу бадьи могучие, в руках держит мордва ковши заветные, заветные ковши больши-на́большие, хлеб да соль на земле лежат, каша, яичница на рычагах висят, вода в чанах кипит, в ней говядину янбед² варит». Как возгóворит белый русский царь: «Слуги вы мои, подите, дары от меня мордве отнесите, так ей на моляне³ скажите: «Вот вам бочонок серебра, старики, вот вам бочонок злата, моленьщики». На мордовский

¹ В «Книге Большого Чертежа»: «А Нижний Новгород стоит на Дятловых горах».

² Один из прислужников «возати» — мордовского жреца.

³ Общественное моление.

молян вы прямо ступайте, мордовским старикам серебро, золото отдайте». Верные слуги пошли, царский дар старикам принесли, старики серебро, золото приняли, сладким суслом царских слуг напоили: слуги к белому царю приходят, вести про мордву ему доводят: «Угостили нас мордовски старики, напоили суслом сладким, накормили хлебом мягким». А мордовски старики, от белого царя казну получивши, после моляна судили-рядили: что бы белому царю дать, что бы великому государю в дар от мордвы послать. Меду, хлеба, соли набрали, блюда могучие наклали, с молодыми ребятами послали. Молодые ребята приуоставши сели: мед, хлеб-соль поели, «старики-де не узнают». Земли да желта́ песку в блюда накладали, наклавши пошли и белому царю поднесли. Белый русский царь землю и песок честно принимает, крестится, Бога благословляет: «Слава тебе, Боже царю, что отдал в мои русские руки мордовску землю». И поплыл тут белый царь по Волге реке, поплыл государь по Воложке на камешке, в левой руке держит ведро русской земли, а правой кидает ту землю по берегу... И где бросит он горсточку, там город ставится, а где бросит щепоточку, тамо селеньице».

Таковы сказанья на Горах. Идут они от дедов, от прадедов. И у русских людей, и у мордвы с черемисой о русском заселенье по Волге преданье одно.

Русские люди, чуждую землю заняв, селились в ней по путям, по дорогам. В даль они не забирались, чтоб среди враждебных племен быть наготове на всякий случай, дружок поближе. Путями, дорогами — реки были тогда. И доселе только по рекам приметны следы старорусского расселенья. По Волге, по Оке, по Суре и по меньшим рекам живет народ совсем другой, чем вдали от них, — ростом выше, станом стройней, из себя красивей, силою крепче, умом богаче соседей — издавна обрусевшей мордвы, что теперь совсем почти позабыла и древнюю веру, и родной язык, и преданья своей старины. Местами мордва сохраняет еще свою народность, но с каждым поколеньем больше и больше русеет. Так меж Сурой и Окой. Ниже Сурского устья верст на двести по обе стороны Волги сплошь чужеродцы живут, они не русеют: черемисы, чувашаи, татары. И ниже тех мест по нагорному берегу Волги встретишь их поселе-

нья, но от Самарской луки вплоть до Астрахани сплошь русский народ живет, только около Саратова, на лучших землях пшеничного царства, немцы поселились; и живут они меж русских тою жизнью, какой жила на далекой своей родине, на бережьях Рейна и Эльбы... Велика, обширна ты, матушка наша, земля святорусская!.. Вволю простора, вволю раздолья!.. Всех, матушка, кормишь, одеваешь, обуваешь, всем, мать-кормилица, хлеба даешь — и своим, и чужим, и рóдным сынам и пришлым из чужа пасынкам. Любишь гостей угощать!.. Кто ни пришел, всякому: «Милости просим — честь да место к русскому хлебу да соли!..» Ну ничего, нас не объедят.

В стары годы на Горах росли леса кондовые, местами досель они уцелели, больше по тем местам, где чувашы, черемиса да мордва живут. Любят те племена леса дремучие да рощи темные, ни один из них без нóжды деревца не тронет; ронить лес без пути, по-ихнему, грех великий, по старинному их закону: лес — жилище богов. Лес истреблять — Божество оскорблять, его дом разорять, кару на себя накликают. Так думает мордвин, так думают и черемис, и чувашин.

И потому еще, может быть, любят чужеродцы родные леса, что в старину, не имея ни городов, ни крепостей, долго в недоступных дебрях отстаивали они свою волюшку, сперва от татар, потом от русских людей... Русский не то, он прирожденный враг леса: свалить вековое дерево, чтобы вырубить из сука ось либо оглоблю, сломить ни нá что не нужное деревцо, ободрать липку, иссушить березку, выпуская из нее сок либо снимая бересту на подтопку, — ему нипочем. Столетние дубы даже рóнит, ободрать бы только с них желуди свиньям на корм. В старые годы, когда шаг за шагом Русь отбивала у старых насельников землю, нещадно губила леса как вражеские твердыни. Привычка осталась; и теперь на Горах, где живут коренные русские люди, не помесь с чужеродцами, а чистой славянской породы, лесов больше нет, остались кой-где рощицы, кустарник да ёрники... По иным местам таково безлесно стало, что ни прута, ни лесинки, ни барабанной палки; такая голь, что кнутовища негде вырезать, парнишку нечем посесть. Сохранились леса в больших помещичьих именьях, да и там в последни годы сильно по-

редели... Лесные порубки в чужих дачах мужиками в грех не ставятся, на совести не лежат. «Лес никто не сажал, — толкуют они, — это не сад. Сам Бог на пользу человекам вырастил лес, значит, руби его, сколько тебе надо».

Хлебопашество — главное занятье нагорного крестьянина, но повсюду оно об руку с каким ни на есть промыслом идет, особливо по речным берегам, где живет чистокровный славянский народ. В одних селеньях слесарничают, в других скорняжничают, шорничают, столярничают, веревки вяжут, сети вяжут, проволоку тянут, гвоздь куют, суда строят, сундуки делают, из меди кольца, наперстки, кресты-тельники да бубенчики льют, — всего не перечесть... Кроме того, народ тысячами каждый год в отхожи промысла расходится: кто в лоцманá, кто в Астрахань на вонючие рыбны ватаги, кто в Сибирь на золотые прииски, кто в Самарские степи пшеницу жать. Всего больше уходило прежде народу в бурлаки; теперь пароходство вконец убило этот тяжелый и вредный промысел. И слава Богу!..

Охоч до отхожих работ нагорный крестьянин, он не степняк-домосед, что век свой на месте сидит, словно мед киснет, и, oprичь соседнего базара да разве еще своего уездного города, нигде не бывает. Любит нагорный крестьянин постранствовать, любит людей посмотреть, себя показать. «Дома сидеть, ни грóша не высидишь, — он говорит, — под лежачий камень и вода не течет, на одном месте и камень мохом обрастет». Нет годного на стороне промысла — в извоз едет зимой... Не то избыину, мочену грушу да парену репу по деревням поедет менять на кость, на тряпье, на железный полom.

До того велика у нагорных крестьян охота по чужой стороне побродить, что исстари завелся у них такой промысел, какого, oprичь еще литовских Сморгонь, на всем свете нигде не бывало. В Сергачском уезде деревень до тридцати медвежатным промыслом кормилось, — жилось не богато, а в добрых достатках. Закупали медвежат у соседних чуваш да черемис Казанской губернии, обучали их всякой медвежьей премудрости: «как баба в нетопленной горнице угорела, как малы ребята горох воровали, как у Мишеньки с похмелья голова болит». Хаживали сергачи со своими питомцами куда

глаза глядят, ходили вдоль и поперек по русской земле, заходили и в Немечину на Липецкую¹ ярмарку. Исстари велся тот промысел: еще на Стоглавом соборе, жалуясь Грозному на поганские обычаи, архиереи про сергачей говорили, что они «кормяще и храняще медведя на глумление и на прельщение простейших человек... велию беду на христианство наводят»². Силен, могуч, властен и грозен был царь Иван Васильевич, а медвежатников извести не мог — изводил их саксонский король, а вконец погубило заведенное недавно общество покровительства всяким животным, опричь человека. Тому назад лет с пятьдесят потешали сергачи на Липецкой ярмарке тамошний люд медвежьею пляской. Какой-то немец с лесным боярином обошелся невежливо, и снял с него Михайло Иваныч костяную шляпу. В ужас впали немцы — шутка ль? Целого подданного лишился саксонский король, а их у него и без того не ахти много. Пожалобились. Воспретили сергачам по чужим царствам медведёй водить. Нипочем бы это было медвежатникам — русская земля длинна, широка, не клином сошлась, есть где лесному боярину разгуляться, потешиться. Сердобольные покровители животных вступились за Мишеньку: как, дескать, можно по белу́ его на цепи таскать, как, дескать, можно Михайла Иваныча палкой бить, в ноздри кольцо ему пронимать?.. Воспретили. В тридцати деревнях не одну сотню ученых медведей мужики перелобанили, а сами по миру пошли: все-таки — отхожий промысел.

А что в прежни времена с сергачами бывало, того не перескажешь. Но к слову пришлось рассказать, как ученых медведей пленным французам на смотр выставляли. Когда французы из московского полымя попали на русский мороз, забирали их тогда в плен сплошь да рядышком, и тех полонянников по разным городам на житье рассылали. И в Сергач сколько-то офицеров попало, полковник даже один. На зиму в город помещики съехались, ознакомились с французами и по русскому добродушию приютили их, приголубили. Полонянникам не житье, а Масленица, а тут подоспела

---

¹ Лейпциг.

² Стоглав, гл. 93.

и настоящая веселá, честнá Масленица, Семикова племянница. Сегодня блины, завтра блины — конца пированьям нет. И разговорились пленники с радушными хозяевами про то, чего летом надо ждать. «Не забудет, говорят, Наполеон своего сраму, новое войско сберет, опять на Россию нагрянет, а у вас все истощено, весь молодой народ забран в полки — несдобровать вам, не справиться». Капитан-исправник случился тут, говорит он французам: «Правда ваша, много народу у нас на войну ушло, да эта беда еще не великая, медведей полки на французов пошлем». Пленники смеются, а исправник уверяет их: самому-де велено к весне полк медведей обучить и что его новобранцы маленько к службе уже привыкли — военный артикул дружно выкидывают. «Послезавтра милости просим ко мне на блины, медвежий баталион на смотр вам представлю». А медвежатники по белу свету шатались только летней порой, зимой-то все дома. Повестили им от исправника, вели бы медведей в город к такому-то дню. Навели зверей с тысячу, поставили рядами, стали их заставлять палки на плечо вскидывать, показывать, как малы ребята горох воровали. А исправник французам: «Это, говорит, ружейным приемам да по-егерски ползать они обучаются». Диву французы дались, домой отписали: сами-де своими глазами медвежий баталион видели. С той, видно, поры французы медведями нас и стали звать.

Чуть не по всем нагорным селеньям каждый крестьянин хоть самую пустую торговлю ведет: кто хлебом, кто мясом по базарам переторговывает, кто за рыбой в Саратов ездит да зимой по деревням ее продает, кто собирает тряпье, овчины, шерсть, иной строевой лес с Унжи да с Немды¹ гонят; есть и «напольные мясники», что кошек да собак бьют да шкурки их скорнякам продают. Мало-мальски денег залежных накопилось, тотчас их в оборот. И ежели по скорости мужик не свихнется, выйдет в люди, тысячами зачнет воровать. Бывали на Горах крепостные с миллионами, у одного лысковского² барского мужика в Сибири свои золотые промыслы были. Теперь на Горах немало крестьян, что сотнями

¹ Реки в Костромской губернии, текут по лесам.

² Лысково — село на Волге.

десятин владеют. Зато тут же рядом и беднота непокрытая. У иного двор крыт светом, обнесен ветром, платья что на себе, а хлеба что в себе, голь да перетыка — и голó и босó, и без пояса. Такой бедности незаметно, однако ж, поблизости рек, только в местах, от них удаленных, можно встретить ее. Общинное владенье земель и частые переделы — вот где коренится причина той бедности. Чуть не каждый год мир-община переделывает поля, оттого землю никто не удобряет, что-де за прибыль на чужих работáть. На дворах навозу — пролезть негде, а нá поле ни возá, землю выпахали; пошли недороды. Нет корысти в переделах, толкует каждый мужик, а община-мир то и дело за передел... И богатые, и бедные в один голос жалобятся на те переделы, да поделать ничего не могут... Община!..

Зато кому удастся выбиться из этой — прах ее возьми — общины да завестись хоть не великим куском земли собственной, тому житье не плохое: земля на Горах родит хорошо.

В лесах за Волгой бедняков, какие живут на Горах, навряд найти, зато и заволжским тысячникам далеко до нагорных богачей. Только эти богачи для бедного люда не в пример тяжелей, чем заволжские тысячники. Лесной народ добродушней, проще, а нагорному пальца в рот не клади. Нагорный богач норовит из осмины четвертину вытянуть, из блохи голенище скроить.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С краю исстари славных лесов Муромских, в лесу Салавирском, что раскинулся по раздолью меж Серезей и Тешей¹, в деревушке Родяковой, что стоит под самым почти Муромом, тому назад лет семьдесят, а может, и больше, жил-поживал бедный смолокур и потом «темный богач» Данило Клементьев. Гнал он смолу: до десятка казанов² в лесу было у него ставлено. Много годов работал, богатства смо-

¹ Теша близ Мурома впадает в Оку, Сереза в Тешу.

² Большой котел для добыванья смолы.

лою не нажил и вдруг сразу так разбогател, что не только с муромскими, с любым московским купцом в версту мог стать. Ломали лесники головы над скороспелым богатством Данилы, не могли додуматься, отколе взялось оно. Кто говорил, что клад Кузьмы Рощина¹ достался ему, кто заверял, что знается Данило с разбойниками, а в Муромских лесах в те поры они еще «пошаливали», оттого и пошла молва по народу, будто богатство Даниле на дуване² досталось. Много разного вздору говорено было, а истинной правды никто допытаться не мог.

От Андрея Поташова нажился Данило. О том Поташове вот какой сказ:

Во дни Петра Великого посадские люди из Мурома братья Железняковы да третий Кирилл Мездряков руду железную на Оке сыскали. Слыхали те посадские про тульского кузнеца Демидова, как наградил его царь-государь и какие богатства взял тот кузнец с непочатых еще Уральских рудников. Заявили и они про находку, и за год до смерти первый император земли на Оке им пожаловал, ставили бы там заводы железные. Не пошло муромцам во прок царско жалованье — по лесам возле Оки разбойники хозяйничали: с заряженными ружьями приходилось дудки³ копать, завод рвами окапывать, по валам пищали да пушки расставлять... Работали кой-как, кончилось дело тем, что пропившийся рабочий изменил хозяевам и завод передал разбойникам. Разграбили они его, выжгли, валы срыли, пушки, пищали с собой увезли... И за то благодарили Бога заводчики, что головы у них целы на плечах снесли.

Через много годов на место неудачливых муромцев на Оку новые заводчики приехали: два туляка, братья Андрей да Иван Родивоновы — дети оружейника Поташова. Они в четырех губерниях четырнадцать заводов по скорости поставили. Андрей дело вел. «Образ правления его считался

---

¹ Знаменитый разбойник Муромских лесов, грабивший особенно проезжавших на Макарьевскую ярмарку московских купцов, во второй половине XVIII столетия. Говорят, он много кладов зарыл по лесам.

² Дележ добычи разбойниками.

³ Колодезь для добычи руд, шахта.

безотчетным и необыкновенным»¹. Чего не наделал он при том образе правления! Пруды заводские выкопал на диво: верст по девяти в долину, с трехверстными плотинами; по тем прудам суда под парусами у него хаживали. В каждом заводе по господскому дому поставил, и каждый дом дворцом глядел. Что было в тех домах картин, мраморных статуй, дорогих мебели, какие теплицы были при них, какие цветы редкостные, плоды, деревья... И все прахом пошло, все сгибло в омуте пятидесятилетних тяжб и в бездонных карманах ненасытной ватаги опекунов.

Поташов в короткое время скопил несметные богатства, скопил умом, трудом, неистомной силой воли, упорной стойкостью в делах, а также и темными путями. Безнаказанные захваты соседних имений, прием беглых людей, стекавшихся со всех сторон под кров сильного барина, тайный перелив тяжеловесной екатерининской медной монеты умножали богатство тульского оружейника. Кто Поташову становился поперек дороги: деревни, дома, лошади, собаки, жены, дочери добром не хотел уступить, того и в домну² сажали. Слова супротивного молвить никто не смел, все преклонялись перед властным оружейником. Перевел Поташов разбои в лесах Муромских, но не перевел разбойников. Подобравшись под сильное крыло неприкосновенного барина, лесная вольница по-прежнему продолжала дела свои, но только по его приказам — так говорит предание. И не было на Андрея Родивоныча ни суда, ни расправы; не только в Питере, в соседней Москве не знали про дела его... Все было шито да крыто.

А все оттого, что умел с нужными людьми ладить. Ладил он сначала с князем Григорьем Орловым, вовремя от него отвернулся и вовремя прилепился к другому князю Григорию — к Потемкину. Одного закала были, хоть по разным дорогам шли. С Потемкиным Поташов сроду не видался, а был в дружеской переписке и в безграмотных письмах своих

---

¹ Впоследствии, когда возникли нескончаемые тяжбы о наследстве, это выражение встречалось не только в частных записках, но даже в официальных бумагах.

² Плавильная печь.

«братцем» его называл. Ценными подарками Таврического удивить было нельзя, зато нарочные то и дело скакали с поташовских заводов то в Петербург, то под Очаков с редкими плодами заводских теплиц, с солеными рыжиками, с кислой капустой либо с подновскими огурцами в тыквах. Старики рассказывают, что однажды Потемкин зимой в Москве проживал; подошел Григорий Богослов¹ — его именины; как раз к концу обеда прискакал от Поташова нарочный с такими плодами, каких ни в Москве, ни в Петербурге никто и не видывал. При них записка Андреевой руки: «Сии ананасы тамо рождаются, где дров в избылии; а у меня лесу не занимать, потому и сей дряни довольно».

— Уважил! — на весь стол крикнул Потемкин. — Спасибо!.. Захотел бы Поташов ремень из спины у меня выкроить, я бы сейчас.

Через Потемкина выпросил Андрей Родивоныч дозволенные гусаров при себе держать. Семнадцать человек их было, ростом каждый чуть не в сажень, за старшего был у них польский полоняник, конфедерат Язвинский. И те гусары за пояс заткнули удалую вольницу, что исстари разбой держала в лесах Муромских. Барыню ль какую, барышню, поповну, купецкую дочку выкрасть да к Андрею Родивонычу предоставить — их взять. И тех гусаров все боялись пуще огня, пуще польмя.

А когда помирал Андрей Родивоныч, были при нем две живых жены; обе вокруг ракитова кустика венчаны; у каждой дети, и все какими-то судьбами законные.

— Кому покидаешь именье? — спросили умиравшего.

— Кто одолеет, — с усмешкой Андрей отвечал, и те злобные слова последними его словами были.

Затрещали, застонали заводы поташовские, дрогнуло правдой и неправдой нажитое богатство.

Тяжбы начались, опеки... Кто ж одолел? Опекуны да те еще, что вершали дела...

Таков богатырь был Андрей Родивоныч. Богатырю на подмогу богатыри бывали нужны. На иные дела гусаров нельзя посылать — их берег Поташов, а надо же бывало

---

¹ 25 января.